

И. С. ТУРГЕНЕВ

Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева

«Возвращение к поэзии стало заметно если не в литературе, то в журналах». Эти слова довольно часто слышались в последнее время. Выраженное ими мнение справедливо, и мы готовы согласиться с ним, только со следующей оговоркой: мы не думаем, чтобы поэзия отсутствовала в нашей текущей литературе, несмотря на все упреки в прозаичности и пошлости, которым она часто подвергается; но мы понимаем желание читателей насладиться гармонией стиха, обаянием мерной лирической речи; мы понимаем это желание, сочувствуем ему и разделяем его вполне. Вот почему мы не могли душевно не порадоваться собранию воедино разбросанных доселе стихотворений одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина — Ф. И. Тютчева.

Мы сказали сейчас, что г. Тютчев один из самых замечательных русских поэтов; мы скажем более: в наших глазах, как оно ни обидно для самолюбия современников, г. Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит решительно выше всех своих собратьев по Аполлону. Легко указать на те отдельные качества, которыми превосходят его более даровитые из теперешних наших поэтов: на пленительную, хотя несколько однообразную, грацию Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одном г. Тютчеве лежит печать той великой эпохи, к которой он принадлежит и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине; в нем одном замечается та соразмерность таланта с самим собою, та ответственность его с жизнью автора, — словом, хотя часть того, что в полном развитии своем составляет отличительные признаки великих дарований. Круг г. Тютчева не обширен — это правда, но в нем он дома. Талант его не состоит из бессвязно разбросанных час-

тей: он замкнут и владеет собою; в нем нет других элементов, кроме элементов чисто лирических; но эти элементы определенно ясны и срослись с самою личностью автора; от его стихов не веет сочинением; они все кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гете, то есть они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве, и по этому драгоценному качеству мы узнаем, между прочим, влияние на них Пушкина, видим в них отблеск его времени.

Нам скажут, что мы напрасно восстаем на *сочинение* в поэзии, что без сознательного участия творческой фантазии нельзя вообразить ни одного произведения искусства, кроме разве каких-нибудь первобытных народных песен, что у каждого таланта есть своя внешняя сторона — сторона ремесла, без которой ни одно художество не обходится; все это так, и мы несколько этого не отвергаем: мы восстаем только против отделения таланта от той почвы, которая одна может дать ему и сок и силу, — против отделения его от жизни той личности, которой он дан в дар, от общей жизни народа, к которой, как частность, принадлежит сама та личность. Подобное отделение таланта может иметь свои выгоды: оно может способствовать к легчайшей его обработке, к развитию в нем виртуозности; но это развитие всегда совершается на счет его жизненности. Из отрубленного, высохшего куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырасти на том суке свежему листу, не раскрыться на нем пахучему цветку, как ни согревай его весеннее солнце. Горе писателю, который захочет сделать из своего живого дарования мертвую игрушку, которого соблазнят дешевый триумф виртуоза, дешевая власть его над своим опошленным вдохновением. Нет, произведение поэта не должно даваться ему легко, и не должен он ускорять его развитие в себе посторонними средствами. Давно уже и прекрасно сказано, что он должен выносить его у своего сердца, как мать ребенка в чреве; собственная его кровь должна струиться в его произведении, и этой животворной струи не может заменить ничто внесенное извне: ни умные рассуждения и так называемые задушевные убеждения, ни даже великие мысли, если б таковые имелись в запасе... И они, и самые эти великие мысли, если они действительно велики, выходят не из одной головы, но из сердца, по прекрасному выражению Вовенарга: «*Les grandes pensées viennent du coeur*» *. Человек, желающий создать что-нибудь целое, должен употребить на это целое свое существо.

* Великие мысли идут от сердца (фр.). — Ред.

Начало «сочинения», или, говоря правильнее, сочинительства, риторики, столь сильно развитое в нашей литературе лет пятнадцать тому назад, теперь, конечно, значительно ослабло: никому теперь не придет в голову вдруг, неизвестно почему, соорудить пятиактную фантазию по поводу какого-нибудь итальянского живописца десятой руки, оставившего после себя две-три плохие картины, спрятанные в темных углах третьестепенных галерей; никто теперь не воспоеет, скоропостижно повергнувшись в преувеличенный восторг, сверхъестественных кудрей какой-нибудь девы, которой, может быть, даже никогда и на свете не было; но все-таки сочинительство не исчезло в нашей литературе. Следы его, и довольно сильные, можно заметить в произведениях многих наших писателей; но в г. Тютчеве его нет. Недостатки г. Тютчева другого рода: у него часто попадаются устарелые выражения, бледные и вялые стихи, он иногда как будто не владеет языком; внешняя сторона его дарования, та сторона, о которой мы упомянули выше, не довольно, быть может, развита; но все это выкупается неподдельностью его вдохновения, тем поэтическим дуновением, которым веет от его страниц; под наитием этого вдохновения самый язык г. Тютчева часто поражает читателя счастливой смелостью и почти пушкинской красотой своих оборотов. Любопытно также наблюдать, каким образом зарождались в душе автора те, в сущности немногочисленные, стихотворения (их не более ста), которыми он означил пройденный свой путь. Если мы не ошибаемся, каждое его стихотворение начиналось мыслию, но мыслию, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления; вследствие этого, если можно так выразиться, свойства происхождения своего мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно. Исключительно, почти мгновенно лирическое настроение поэзии г. Тютчева заставляет его выражаться сжато и кратко, как бы окружить себя стыдливо-тесной и изящной чертой; поэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, слитые вместе, и он большею частию высказывает их единым образом, именно потому, что ему нужно высказаться, потому что он не думает ни щеголять своим ощущением перед другими, ни играть с ним перед самим собой. В этом смысле поэзия его заслуживает названия дельной, то есть искренней, серьезной. Самые короткие стихотворения г. Тютчева почти всегда самые удачные. Чувство природы в нем необыкновенно тонко, живо и

верно; но он, говоря языком, не совсем принятым в хорошем обществе, не выезжает на нем, не принимается komponировать и раскрашивать свои фигуры. Сравнения человеческого мира с родственным ему миром природы никогда не бывают натянуты и холодны у г. Тютчева, не отзываются наставническим тоном, не стараются служить пояснением какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся в голове автора и принятой им за собственное открытие. Кроме всего этого, в г. Тютчеве замечен тонкий вкус — плод многостороннего образования, чтения и богатой жизненной опытности. Язык страсти, язык женского сердца ему знаком и дается ему. Стихотворения г. Тютчева, почерпнутые им не из собственного родника, как-то: «Наполеон» и др. — нам нравятся менее. В даровании г. Тютчева нет никаких драматических или эпических начал, хотя ум его, бесспорно, проник во все глубины современных вопросов истории.

Со всем тем популярности мы не предсказываем г. Тютчеву, — той шумящей, сомнительной популярности, которой, вероятно, г. Тютчев несколько не добивается. Талант его, по самому свойству своему, не обращен к толпе и не от нее ждет отзыва и одобрения; для того чтобы вполне оценить г. Тютчева, надо самому читателю быть одаренным некоторою тонкостью понимания, некоторою гибкостью мысли, не оставившейся слишком долго праздною. Фиалка своим запахом не разит на двадцать шагов кругом: надо приблизиться к ней, чтобы почувствовать ее благовоние. Мы, повторяем, не предсказываем популярности г. Тютчеву; но мы предсказываем ему глубокое и теплое сочувствие всех тех, которым дорога русская поэзия, а такие стихотворения, каковы —

Пошли, Господь, свою отраду...

и другие, пройдут из конца в конец Россию и переживут многое в современной литературе, что теперь кажется долговечным и пользуется шумным успехом. Г-н Тютчев может сказать себе, что он, по выражению одного поэта, создал речи, которым не суждено умереть; а для истинного художника выше подобного сознания награды нет.

